

Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений

Аннотация. В статье предпринята попытка комплексно исследовать проблематику непосредственного (прямого) применения положений международных договоров для целей регулирования различных внутригосударственных, а также трансграничных отношений. Отмечается, что данная возможность представляется действенным механизмом защиты прав субъектов соответствующих отношений. Проводится анализ правоприменительной практики на предмет прямого применения положений международных договоров при противоречии им положений национального законодательства или независимо от установления такого противоречия. Анализируются положения Конституции, иного законодательства РФ, постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, судебная практика по вопросам применения положений международных договоров к различным отношениям (корпоративным, таможенным, отношениям в сфере промышленной собственности). Формулируется вывод о том, что международные договоры РФ, являясь составной частью ее правовой системы, обладают самостоятельной нормативной природой в качестве источника права. Обосновывается возможность непосредственного (прямого) применения норм любых международных договоров (в том числе и так называемых несамоисполнимых).

Ключевые слова: непосредственное применение; прямое применение; международные договоры; юридическая сила; противоречие; национальное законодательство; защита прав; внутригосударственные отношения; трансграничные отношения; правоприменительная практика.

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Непосредственное применение правил международных договоров при осуществлении защиты прав субъектов внутригосударственных и трансграничных отношений // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 8. — С. 174—184. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.174-184.

© Шахназаров Б. А., 2020

* Шахназаров Бениамин Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), SPIN-код: 3985-0907
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ben_raf@mail.ru

Direct Application of the Rules of International Agreements in the Implementation of the Protection of the Rights of Subjects of Domestic and Cross-Border Relations

Beniamin A. Shakhnazarov, Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor of the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ben_raf@mail.ru

Abstract. The paper attempts to comprehensively investigate the problems of the direct application of the provisions of international agreements for the purpose of regulating various intrastate as well as cross-border relations. It is noted that this opportunity seems to be an effective mechanism for protecting the rights of the subjects of the relevant relations. An analysis of law enforcement practice is carried out for the direct application of the provisions of international treaties when they conflict with the provisions of national legislation or regardless of the establishment of such a conflict. The paper analyzes the provisions of the Constitution, other legislation of the Russian Federation, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice on the application of the provisions of international treaties to various relations (corporate, customs, relations in the field of industrial property). The conclusion is made that the international agreements of the Russian Federation, being an integral part of its legal system, have an independent normative nature as a source of law. The possibility of direct (direct) application of the norms of any international treaties (including the so-called non-selfexecuting ones) is substantiated.

Keywords: direct applicability; international agreements; legal force; contradiction; national legislation; protection of rights; domestic relations; cross-border relations; law enforcement practice.

Cite as: Shakhnazarov BA. Neposredstvennoe primeneniye pravil mezhdunarodnykh dogovorov pri osushchestvlenii zashchity prav subektov vnutrigosudarstvennykh i transgranichnykh otnosheniy [Direct Application of the Rules of International Agreements in the Implementation of the Protection of the Rights of Subjects of Domestic and Cross-Border Relations]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(8):174-184. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.174-184. (In Russ., abstract in Eng.).

Ввиду наличия большого количества декларативных, векторных правил международных договоров, отсутствия на международно-правовом уровне детальной регламентации тех или иных отношений, особое значение приобретают национально-правовые подходы к правовому регулированию таких отношений, частично или полностью регламентированных нормами международных договоров. Возможны ситуации и более детального регулирования отношений нормами либо международных договоров, либо национального законодательства.

Непосредственное (прямое) применение правил (положений) международных договоров для целей регулирования различных внутригосударственных, а также трансграничных отношений представляется действенным механизмом защиты прав субъектов соответствующих отношений. Непосредственное означает прямое применение положений международных догово-

ров, предполагающее отдельное их использование в качестве источника права и толкование применительно к конкретным правоотношениям, спору, как актов, имеющих приоритет над нормами законов и подзаконных актов.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры Российской Федерации, наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права, являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Кроме того, согласно ст. 79 Конституции РФ Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с междуна-

родными договорами, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя РФ. Кроме того, в контексте конституционной реформы 2020 г. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» статья 79 Конституции РФ была дополнена положением о том, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации, в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Изменения вступили в силу 4 июля 2020 г. после их одобрения на общероссийском голосовании. Стоит отметить, что речь здесь идет именно о решениях межгосударственных органов, т.е. о правоприменительных актах, а не о положениях международных договоров. А согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории РФ. Законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ, не должны противоречить Конституции РФ. В Конституции РФ не сказано о соотношении норм Конституции и норм международных договоров. В то же время, принимая во внимание высшую юридическую силу Конституции, можно заключить, что международные договоры не должны противоречить ее положениям. Кроме того, согласно положениям ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры Российской Федерации заключаются, выполняются и прекращаются в соответствии с Конституцией РФ, а в соответствии с положениями ст. 34 рассматриваемого закона Конституционный Суд РФ в порядке, определяемом федеральным конституционным законом, разрешает дела о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров либо отдельных их положений, разрешает споры о компетенции между федеральными органами государственной власти, а также между органами государственной власти Российской Федерации

и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в связи с заключением международных договоров Российской Федерации. Не вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, признанные Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ, не подлежат введению в действие и применению.

Таким образом, заключаемые РФ международные договоры не должны противоречить Конституции РФ как основному закону страны, придающему международным договорам юридическую силу.

Приоритет международных договоров при этом над нормами как законов, так и подзаконных актов следует из комплексного толкования положений Конституции, в том числе ст. 90 и 115, согласно которым указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить федеральным законам, а постановления и распоряжения Правительства РФ принимаются во исполнение Конституции РФ, федеральных законов, нормативных указов Президента РФ и могут быть отменены Президентом РФ, если противоречат Конституции РФ, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента РФ.

Таким образом, применение положений международных договоров при регулировании конкретных отношений регламентировано в самой Конституции РФ при сохранении ее высшей юридической силы. При этом с учетом положений ст. 15 и 79 Конституции РФ возможно заключить, что решения международных органов не должны противоречить положениям Конституции, в том или ином аспекте гарантирующим права и свободы человека и гражданина, основы конституционного строя. Обозначенное подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ. Так, в постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П, в котором, в частности, рассматривались вопросы об исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека на территории РФ в порядке абстрактного нормоконтроля, т.е. вне связи с конкретным делом, по запросу группы депутатов Государственной Думы, Конституционный Суд РФ постановил, что если такое исполнение противоречит Консти-

туции РФ, то постановления ЕСПЧ, основанные на толковании норм международных договоров, приводящем к их противоречию Конституции РФ (в частности, п. 5.3 постановления) не подлежат исполнению.

Кроме того, 31 июля 2014 г. ЕСПЧ вынес постановление по делу нефтяной компании «Юкос». Суд, рассмотрев это дело, обязал РФ осуществить выплаты акционерам компании, их наследникам и правопреемникам компенсации в размере более 1,8 млрд евро. ЕСПЧ посчитал, что РФ нарушила права акционеров компании, в результате чего ей был причинен материальный ущерб в указанной сумме.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П, в свою очередь, признал исполнение данного постановления невозможным. Он, в частности, подчеркнул, что этот ущерб был вызван действиями самой компании, которая проявила себя как злостный неплательщик налогов и оставила серьезную непогашенную задолженность. Сама по себе выплата столь значительной компенсации из бюджета, который регулярно не получал от компании огромные суммы, противоречит принципам равенства и справедливости в налоговых отношениях. В то же время государство может проявить добрую волю в отношении акционеров, пострадавших от неправомерных действий компании и ее менеджмента. Речь идет о выплатах за счет вновь выявленного имущества ликвидированного юридического лица. Это в любом случае не должно затрагивать доходы и расходы бюджета, а также имущество Российской Федерации.

При этом, несмотря на установление в ст. 5 Федерального закона от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» деления положений международных договоров на имеющие непосредственное действие (положения международных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения) и не имеющие такового (иные положения международных договоров), прямое применение норм международных договоров (в том числе и не имеющих непосредственного действия), вытекающее из положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о применении правил

международных договоров, если положения законов противоречат им, подтверждается судебными решениями.

В современной правоприменительной практике можно отметить внушительное количество судебных решений, лежащих в плоскости правового регулирования интеллектуальной, прежде всего промышленной, собственности в трансграничных отношениях. Обозначенная сфера правового регулирования представляется показательной в данном контексте и демонстрирует возможность прямого применения судами РФ норм международных договоров.

Так, система правового регулирования промышленной собственности в трансграничных отношениях в качестве материально-правовой основы включает следующие группы международно-правовых норм:

- нормы, регулирующие международно-правовую охрану регистрируемых производственно-технических объектов промышленной собственности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы). Источниками закрепления этой группы норм являются универсальные и региональные международные договоры в сфере охраны промышленной собственности, международные договоры, устанавливающие международные процедуры истребования охраны на патентуемые объекты, международные договоры в сфере классификации изобретений, полезных моделей, промышленных образцов;
- нормы, регулирующие международно-правовую охрану средств. Посредством данной группы норм реализуется международно-правовое регулирование производственно-торговых объектов промышленной собственности (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение, наименование места происхождения, географическое указание, олимпийский символ). Источниками закрепления этой группы норм являются универсальные и региональные международные договоры в сфере охраны промышленной собственности, международные договоры, устанавливающие международные

- процедуры истребования охраны знаков, а также классификацию товаров и услуг для целей регистрации знаков;
- нормы, регулирующие международно-правовую охрану отдельных объектов промышленной собственности (новые сорта растений, топологии интегральных микросхем, секреты производства (ноу-хау)). Источниками закрепления этой группы норм являются универсальные и региональные международные договоры;
 - нормы, регулирующие международно-правовые механизмы охраны промышленной собственности (механизмы пресечения недобросовестной конкуренции, а также ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах). Источниками закрепления этой группы норм являются универсальные и региональные международные договоры.

С учетом обозначенной системы правового регулирования промышленной собственности в трансграничных отношениях рассмотрим релевантную судебную практику, демонстрирующую прямое применение положений международных договоров.

Так, согласно решению Федерального арбитражного суда Московского округа (кассационная инстанция) от 21.09.2010 № КА-А40/10738-10 по делу № А40-166607/09-110-1056 отказ Роспатента в регистрации товарного знака W Hotel как не имеющего различительной способности был признан противоречащим ст. 6-quinquies Парижской конвенции, предусматривающей, что каждый товарный знак, надлежащим образом зарегистрированный в стране происхождения, может быть заявлен в других странах Союза и охраняется таким, как он есть, с оговорками, указанными в данной статье. При этом Парижская конвенция является так называемым несамоисполнимым международным договором. Несамоисполнимый международный договор должен прямо предписывать необходимость принятия госу-

дарством нормативных правовых актов для реализации своих положений в национальном правовом порядке¹. Действующий Стокгольмский акт Парижской конвенции подписан от имени СССР 12 октября 1967 г. и ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1968 г., вступил в силу 26 апреля 1970 г. Кроме того, согласно ст. 25 Парижской конвенции каждая страна, являющаяся участницей Конвенции, обязуется принять в соответствии со своей конституцией необходимые меры для обеспечения применения настоящей Конвенции, а также в момент сдачи на хранение ратификационной грамоты или акта о присоединении должна быть в состоянии в соответствии со своим внутренним законодательством осуществлять положения настоящей Конвенции. То есть в данном международном договоре осуществлена отсылка к ратификации и установлены обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

В другом деле № СИП-65/2017 Суд по интеллектуальным правам в своем решении от 15 июня 2017 г. признал недействительным решение Роспатента об отказе в удовлетворении возражения против отказа в государственной регистрации товарного знака и обязал Роспатент зарегистрировать товарный знак «Гордость Молдавии», поскольку в оспариваемом ненормативном акте, кроме вывода о невозможности регистрации спорного обозначения на имя российского правообладателя, не содержится иной мотивации о противоречии регистрации заявленного обозначения общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Суд при этом сослался на приоритетный характер и непосредственное применение положений ст. 6-quinquies с учетом положений ст. 10-bis Парижской конвенции, предоставив их развернутое толкование.

Кроме того, судебная практика РФ исходит из непосредственного (прямого) применения норм международных договоров (в том числе несамо-

¹ См. об этом, например: Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом : учебно-методический комплекс (учебное пособие) / кол. авт. ; отв. ред. д. ю. н., проф. С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2016. 568 с.

исполнимых) как ввиду наличия иных, отличных от международных правил российского законодательства, так и ввиду отсутствия таковых.

Так, в постановлении от 12 августа 2019 г. № С01-521/2019 по делу № А73-7537/2018 Суд по интеллектуальным правам пришел к выводу о том, что при отсутствии соответствующего закрепления в ГК РФ региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, предусмотренный приложением № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе 2014 г., действует в Российской Федерации в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и конкретизирующего ее предписания применительно к гражданскому законодательству п. 2 ст. 7 ГК РФ.

Таким образом, ст. 1487 ГК РФ, как закрепляющая в рамках дискреции федерального законодателя национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, подлежит применению во взаимосвязи с международно-правовым регулированием принципа исчерпания прав, включая п. 16 приложения № 26 к Договору о ЕАЭС, которым предусматривается исчерпание исключительного права на товарный знак правомерным введением в гражданский оборот товаров непосредственно правообладателем размещенного на них товарного знака или другими лицами с его согласия на территории любого из государств — членов ЕАЭС. При этом Российская Федерация ратифицировала Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 г. Федеральным законом от 3 октября 2014 г. № 279-ФЗ. То есть даже при наличии несамоисполнимых международных договоров применение их положений необходимо и оправданно в контексте приоритета норм международных договоров над нормами национального законодательства. Рассмотренный механизм непосредственного применения норм международных договоров представляется действенным механизмом защиты прав субъектов гражданских правоотношений, в частности в сфере охраны прав на объекты промышленной собственности в трансграничных отношениях.

Именно положения международных договоров, действующие напрямую, представляются оптимальной формой унифицирующего воздей-

ствия международно-правового регулирования промышленной собственности. Правила международных договоров являют собой правовую основу защиты прав субъектов трансграничных отношений в сфере охраны промышленной собственности ввиду сохраняющегося территориального принципа охраны промышленной собственности, они могут и должны использоваться правоприменительными органами в обозначенном контексте защиты нарушенных прав. Подтверждением данного вывода является, в частности, постановление Суда по интеллектуальным правам от 03.05.2017 № С01-12/2015 по делу № А41-213/2014. Судебная коллегия при обосновании своего решения отметила, что в силу п. 1 ст. 26 Соглашения ТРИПС владелец охраняемого промышленного образца имеет право препятствовать третьим лицам без его согласия производить, продавать или ввозить изделия, воплощающие или включающие в себя образец, который полностью или в значительной степени скопирован с охраняемого образца, если такие действия предпринимаются в коммерческих целях. Таким образом, в обозначенном решении Суд напрямую применил положения международного договора об охране прав на промышленный образец.

Стоит отметить и практику обращения судов напрямую к международно-правовым процедурам в сфере охраны промышленной собственности, разъяснения заявителям возможностей истребования охраны, основываясь на положениях международных договоров, а также использования сравнительно-правового метода в контексте толкования международно-правовых процедур.

Так, в постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.11.2019 № С01-575/2019 по делу № СИП-183/2019 отмечается, что согласно письму Министерства иностранных дел РФ Договором РСТ предусмотрена процедура дополнительного международного поиска. В соответствии с правилом 45bis Инструкции, заявитель может обратиться с просьбой о проведении такого поиска в любое время, но до истечения 22 месяцев с даты приоритета. Допускается обращение сразу в несколько международных поисковых органов. Суд отмечает, что,

по мнению экспертов Международного бюро ВОИС, цель этой процедуры не в том, чтобы обойти результаты первого поиска: дополнительный поиск позволяет получить еще одно авторитетное мнение, что может иметь значение, если имеются вопросы, не исследованные первым международным поисковым органом.

Помимо разъяснений обозначенных международно-правовых процедур, в связи с поступившим запросом президиума Суда по интеллектуальным правам Министерство иностранных дел РФ запросило комментарии государств — участников Договора РСТ. Министерство иностранных дел РФ сообщило о том, что законодательством запрошенных государств — участников Договора РСТ не предусмотрена процедура судебного оспаривания действий и решений международного поискового органа, практика оспаривания таких решений в местных судах отсутствует. Суд учел эту информацию при вынесении решения, сообщив заявителю также о наличии дополнительных возможностей, предоставляемых Договором РСТ и Инструкцией, которые были раскрыты в решении Суда.

Действительно, в Обзорах практики Верховного Суда РФ, утверждаемых Президиумом Верховного Суда, указывается, что в целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных, административных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами².

Таким образом, правоприменитель в определенных случаях должен не просто применять, но и толковать положения международных договоров, устанавливающих конкретные механизмы истребования охраны прав на объекты промышленной собственности, защиты нарушенных прав.

При этом согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрис-

дикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (в редакции постановления Пленума ВС РФ от 05.03.2013 № 4) толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (разд. 3; ст. 31—33), согласно положениям которой при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования. Согласно п. 16 постановления в случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации судам рекомендовано использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений, а также обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел РФ, в Министерство юстиции РФ (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения).

Таким образом, суды РФ обладают довольно детализированным инструментарием применения и толкования общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров. Стоит отметить, что в п. 3 приведенного постановления Пленума ВС № 5 содержится неоднозначное положение о том, что к признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств. Опираясь на ст. 5 Федерального закона

² См. об этом: Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением в судебных актах Арбитражного суда Амурской области общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации // URL: <https://amuras.arbitr.ru/node/15062> (дата обращения: 14.10.2019).

от 15.07.1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Верховный Суд, по сути, формулирует критерии невозможности непосредственного применения международных договоров, не определяя при этом само понятие непосредственного применения.

Исходя из приведенной выше судебной практики, представляется возможным заключить, что непосредственное применение норм международных договоров в смысле положений постановления Пленума и Федерального закона — это, возможно, применение норм международного договора как единого источника норм права в решении суда по конкретному делу. При этом уже сама формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции РФ свидетельствует о возможности, по сути, прямого применения норм международных договоров при рассмотрении судом конкретного дела, в том числе в контексте их приоритета над национальным законодательством с указанием релевантных норм национального законодательства, что и происходит практически во всех случаях применения международных норм российскими судами.

В силу обозначенного приведенное положение п. 3 постановления Пленума ВС № 5 представляется не совсем точным и утратившим актуальность. Непосредственность действия международного договора представляется возможным воспринимать лишь как отсутствие предусмотренной международным договором обязанности принимать внутригосударственные акты во исполнение его положений. При этом прямая отсылка к положениям любых международных договоров, т.е. их непосредственное (прямое) применение судами, возможна без учета этого обстоятельства.

Указание на непосредственное применение норм международного права содержится и в ряде современных постановлений Пленума Верховного Суда РФ: от 12.05.2016 № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства», от 27.06.2017 № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел

по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», от 23.11.2010 № 27 (ред. от 31.10.2017) «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил и требований, регламентирующих рыболовство», от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», от 24.03.2005 № 5 (ред. от 19.12.2013) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней» и др.³

Особое внимание уделяется судами положениям соглашений, принятых в рамках ВТО.

Так, в делах А04-6735/2017, А04-5212/2017 суд на основании общих принципов и общих правил, установленных статьей VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ 1994) и Соглашением по применению ст. VII ГАТТ 1994, ч. 1 ст. 2 Соглашения между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25.01.2008 «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу таможенного союза», ратифицированного Федеральным законом от 22.12.2008 № 258-ФЗ, оценивал доводы таможенного органа по определению действительной стоимости ввозимых товаров для таможенных целей. Суд указал, что система оценки ввозимых товаров для таможенных целей исходит из их действительной стоимости — цены, по которой такие или аналогичные товары продаются или предлагаются для продажи при обычном ходе торговли в условиях полной конкуренции. При этом за основу определения действительной стоимости в максимально возможной сте-

³ См.: Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением в судебных актах Арбитражного суда Амурской области общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

пени должна приниматься договорная цена товаров и не должна приниматься фиктивная или произвольная стоимость⁴. То есть суд в решении по конкретному делу осуществил применение и толкование положений международного договора в контексте порядка определения стоимости товара для целей таможенных процедур, что представляется довольно прагматичным подходом и демонстрирует глубокую интеграцию международно-правовых норм в правовую систему РФ, их особое влияние на правоприменительную практику. В то же время такие судебные решения позволяют гармонизировать судебную практику в разных странах, что служит целям унификации международно-правового регулирования, в частности торговых отношений в рамках ВТО.

В науке применительно к прямому применению Соглашения ТРИПС высказывается интересная позиция, согласно которой общим подходом для государств — членов ВТО является непризнание за соглашениями ВТО статуса прямого действия и применения в национальных правовых системах⁵. Автор в качестве классического примера приводит подход ЕС. В преамбуле Решения Совета ЕС от 22 декабря 1994 г. о принятии обязательств, вытекающих из соглашений ВТО, отмечается, что по своей природе Соглашение об учреждении Всемирной торговой организации и приложения к нему не являются подходящими для того, чтобы непосредственно применяться в судах Сообщества и государств-членов. При этом сам автор, анализируя положения Соглашения ТРИПС, в частности п. 1 ст. 1, согласно которому государства — участники Соглашения могут свободно определять надлежащий метод выполнения положений Соглашения в рамках своих правовых систем и практики, приходит к справедливому выводу о

возможности непосредственного применения ТРИПС, как это всегда было общепринято для Парижской и Бернской конвенций⁶. При этом автор разделяет понятие прямого действия и непосредственного применения международных договоров, указывая, что под первым понимается возможность самостоятельно устанавливать субъективные права и обязанности для национальных физических и юридических лиц и предоставлять этим лицам возможность основывать свои требования при защите этих прав на нормах соответствующих международных договоров, а под вторым — возможность использования международных договоров национальными судебными и иными органами при разрешении конкретных ситуаций⁷. Однако представляется, что обе эти возможности неразрывно связаны между собой и входят все же в объем одного понятия — «непосредственное применение», которое предполагает прямое действие международных договоров в контексте применения этого механизма правоприменительными органами.

В качестве подтверждения обозначенного вывода можно привести постановление Суда по интеллектуальным правам от 12.11.2019 № С01-1088/2019 по делу № А10-6263/2018, в котором Суд в обоснование своей позиции сослался на п. 2 ст. 19 Соглашения ТРИПС о том, что использование товарного знака другим лицом под контролем владельца знака признается для целей сохранения в силе регистрации использованием товарного знака.

При этом суд отметил, что согласно п. 1 ст. 1 Соглашения ТРИПС члены Всемирной торговой организации могут, но не обязаны предоставлять в своих национальных законах более широкую охрану, чем требуется по названному Соглашению, при условии, что такая охрана не

⁴ См.: Обзор судебной практики рассмотрения дел, связанных с применением в судебных актах Арбитражного суда Амурской области общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

⁵ См.: Лелётина А. В. Проблемы прямого действия и применения норм соглашений Всемирной торговой организации в сфере охраны интеллектуальной собственности и российская правовая система // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14 : Право. 2013. Вып. 4. С. 86.

⁶ См.: Лелётина А. В. Указ. соч. С. 90.

⁷ См.: Лелётина А. В. Указ. соч. С. 86.

противоречит положениям этого Соглашения. На основании этого положения суд установил, что более широкий объем охраны предусмотрен п. 2 ст. 1486 ГК РФ и это не противоречит положениям Соглашения ТРИПС, что, в свою очередь, свидетельствует о непосредственном (прямом) применении положений Соглашения ТРИПС российским судом в совокупности с применением национальных норм.

Таким образом, Соглашение ТРИПС устанавливает не только процессуальные положения рассмотрения споров, в том числе связанных с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности, которые обязывают государства, но и конкретные механизмы защиты прав, подлежащие прямому применению судами государств — участников Соглашения.

Еще одним показательным примером прямого применения положений международных договоров судами РФ представляется Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в частности ее ст. 6, которая устанавливает право на справедливое судебное разбирательство, предполагающее и мотивированность судебного решения. Анализ судебной практики, действительно, свидетельствует о применении судами таких общепризнанных принципов и положений международного права, закрепленных в Конвенции, как право на справедливое судебное разбирательство в разумный срок, принципов публичности и гласности при разрешении судебного спора и доступе к судебным актам, право на вызов и допрос свидетелей, право на получение бесплатной помощи переводчика, право на свободу мысли и на свободное выражение своего мнения, право на эффективное средство правовой защиты и другие (в частности, по делам № А04-4190/2017, А04-11338/2015).

Особое значение в современной судебной практике имеют положения региональных и двусторонних международных договоров. Так,

в решениях по делам № А04-5212/2017, А04-6735/2017, А04-5067/2017, А04-3997/2017, А04-1775/2017, А04-1166/2017, А04-254/2017, А04-0681/2017, А04-10958/2016 суд, удовлетворяя требования хозяйствующего субъекта о признании незаконным, не соответствующим Таможенному кодексу Таможенного союза, Соглашению между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 25.01.2008 «Об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза», Федеральному закону от 27.11.2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» отказа Благовещенской таможни в возврате излишне уплаченных таможенных платежей, о возложении на Благовещенскую таможню обязанности по возврату излишне уплаченных (взысканных) платежей, указал, что таможней не учтено, что правовые акты Таможенного союза в любом случае не могут быть истолкованы как нарушающие право декларанта на возврат излишне уплаченных (взысканных) таможенных платежей, являющихся его собственностью, подлежащей защите в свете ст. 1 Протокола № 1 от 20.03.1952 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (г. Рим 04.11.1950), вследствие незаконности корректировки таможенной стоимости (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.05.2016 № 18).

В науке также отмечается, что с учетом положений ст. 15 Конституции не может обладать приоритетом применения перед законами международный договор, введенный в действие актом более низкой юридической силы, чем закон⁸. С обозначенной позицией уважаемых ученых сложно согласиться ввиду широкого восприятия положений международных договоров судебной практикой, а также сформулированного выше вывода о приоритете международных договоров не только над

⁸ См.: Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации : монография. М. : Норма, 2011. С. 103. См. также: Актуальные проблемы теории государства и права : учебник / С. И. Архипов, Е. А. Белканов, Л. Н. Берг, Е. А. Березина, Д. В. Грибанов, В. Д. Перевалов, В. С. Плетников, О. А. Пучков, Н. Н. Тарасов, И. В. Федоров, А. С. Шабуров, В. В. Ярков. М. : Юстиция, 2019. 440 с.

законами, но и над подзаконными актами, что в совокупности с правилом о том, что международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, свидетельствует об их самостоятельной нормативной природе как источника права.

Резюмируя проведенный анализ, можно заключить, что, несмотря на существующее деление положений международных договоров на имеющие непосредственное действие (положения международных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения) и не имеющие такового (иные положения международных договоров), возможность непосредственного (прямого) применения норм международных договоров

(в том числе и не имеющих непосредственного действия), вытекающая из положений ч. 4 ст. 15 Конституции о применении правил международных договоров, если положения законов противоречат им, представляется действенным унифицирующим мировую практику разрешения споров механизмом защиты прав на объекты промышленной собственности в трансграничных отношениях. Непосредственное означает прямое применение положений международных договоров, предполагающее отдельное их использование в качестве источника права и толкование применительно к конкретным правоотношениям, спору как актов, имеющих приоритет над нормами законов и подзаконных актов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом : учебно-методический комплекс (учебное пособие) / кол. авт. ; отв. ред. д. ю. н., проф. С. А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2016. — 568 с.
2. Актуальные проблемы теории государства и права : учебник / С. И. Архипов, Е. А. Белканов, Л. Н. Берг, Е. А. Березина, Д. В. Грибанов, В. Д. Перевалов, В. С. Плетников, О. А. Пучков, Н. Н. Тарасов, И. В. Федоров, А. С. Шабуров, В. В. Янков. — М. : Юстиция, 2019. — 440 с.
3. Лелётина А. В. Проблемы прямого действия и применения норм соглашений Всемирной торговой организации в сфере охраны интеллектуальной собственности и российская правовая система // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14 : Право. — 2013. — Вып. 4.
4. Марочкин С. Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации : монография. — М. : Норма, 2011.

Материал поступил в редакцию 13 марта 2020 г. (изменения внесены 6 июля 2020 г.).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Konstitucionno-pravovye osnovy antikorrupcionnyh reform v Rossii i za rubezhom : uchebno-metodicheskij kompleks (uchebnoe posobie) / kol. avt. ; otv. red. d. yu. n., prof. S. A. Avakyan. — M. : Yusticinform, 2016. — 568 s.
2. Aktualnye problemy teorii gosudarstva i prava : uchebnik / S. I. Arhipov, E. A. Belkanov, L. N. Berg, E. A. Berezina, D. V. Gribanov, V. D. Perevalov, V. S. Pletnikov, O. A. Puchkov, N. N. Tarasov, I. V. Fedorov, A. S. Shaburov, V. V. Yarkov. — M. : Yusticiya, 2019. — 440 s.
3. Lelyotina A. V. Problemy pryamogo dejstviya i primeneniya norm soglashenij Vsemirnoj torgovoj organizacii v sfere ohrany intellektualnoj sobstvennosti i rossijskaya pravovaya sistema // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14 : Pravo. — 2013. — Vyp. 4.
4. Marochkin S. Yu. Dejstvie i realizaciya norm mezhdunarodnogo prava v pravovoj sisteme Rossijskoj Federacii : monografiya. — M. : Norma, 2011.